



**СОВЕТСКИЙ
ПРОЕКТ**

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

**ПРАВИЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ!**

Советский проект

Сергей Кара-Мурза

Правильная революция!

«Алисторус»

2009

Кара-Мурза С. Г.

Правильная революция! / С. Г. Кара-Мурза — «Алисторус», 2009 — (Советский проект)

В книге известного российского писателя и ученого С. Г. Кара-Мурзы показаны глубокие национальные основы Великой Октябрьской социалистической революции, которые, наряду с прочими причинами, предопределили ее неизбежную победу. «В свое время Пришвин, отрицательно воспринявший Октябрьскую революцию, все же вынужден был признать, что она означала цивилизационный выбор, что революция такого масштаба есть разрешение кризиса несравненно более глубокого, нежели политический или социальный. Тяжело переживая крах либеральных иллюзий, он был вынужден признать, что установившийся в результате революции советский строй – это «соединение невидимого града православных с видимым градом на земле товарищей». Но только в таком соединении и жива Россия», – считает автор.

Содержание

Введение	6
Глава 1. Государство и революции	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Кара-Мурза

Правильная революция!

© Кара-Мурза С.Г., 2009

© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2009

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

90 лет назад произошла русская революция. Сначала был Февраль. Он был тем тараном, что пробил брешь, в которую прорвалась Октябрьская революция. Поэтому нынешние наследники Керенского, которые на время взяли реванш в России, не празднуют ту их первую победу, даже хотели бы отмазаться от нее. А нам полезно разобраться.

За последние 15 лет я много перечитал о том времени, сравнил наблюдения многих умных людей из разных политических течений. Сложилась иная картина, чем та, что нам давали в официальной истории. Та упрощенная схема, как я думаю, была выработана, чтобы после Гражданской войны поскорее залечить рану раскола, примирить враждовавшие силы. Это было мудрое решение. Но оно же оставило нас без важного знания, которое нам было необходимо во время перестройки. Знай мы смысл событий 1905–1917 гг., мы не попались бы на удочку Горбачева. Сегодня повторять старые штампы советской истории нельзя никак, тем более навязывать их молодежи. Следуя им, мы будем похожи на динозавров, чудом переживших оледенение и проснувшихся в другой эпохе.

Мы учили, что в Феврале в России произошла *буржуазно-демократическая* революция, которая свергла монархию. Эта революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» собрались и летом 1918 г. при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти.

Эта картина совершенно неверна, не в деталях, а в главном. Никак не могла Февральская революция «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для Февраля и царская Россия, и советская были одинаковыми врагами. Для Февраля обе они были «империями зла».

Возьмем суть. С конца XIX века Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам принадлежала большая часть промышленности. Этому сопротивлялось монархическое государство – строило железные дороги, казенные заводы, университеты и науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну – неудачно, пошло на поводу у помещиков. Не справилось – было повязано и сословными нормами, и долгами. Как говорят, попало в историческую ловушку и выбраться из нее уже не могло.

Главным врагом этого государства была *буржуазия*, которая требовала западных рыночных порядков и, кстати, демократии – чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу, в которой заведомо проиграли бы (как на Западе). Крестьяне (85 % населения России) к требованиям буржуазии относились равнодушно, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для крестьян «своими» – и буквально (родственниками), и по образу мыслей и жизни. В 1902 г. начались крестьянские восстания из-за земли, потом возникло «межклассовое единство низов» – и произошла революция 1905 г. Только после нее большевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» – ересь для марксизма. К революции крестьяне повернули из-за столыпинской реформы, Столыпин и есть «отец русской революции».

А буржуазия с помощью Запада возродила масонство как межпартийный штаб своей революции (в 1915 г. руководителем масонов стал Керенский). Главной партией там были кадеты (либералы-западники), к ним примкнули меньшевики и эсеры. Это была «оранжевая» коалиция того времени. Большевики к ним не примкнули и правильно сделали. Этот урок надо бы и сегодня помнить.

Итак, в России стали созреть две не просто разные, а и враждебные друг другу *революции*: 1) западническая, имевшая целью *установить* в России западную демократию и сво-

бодный рынок, 2) крестьянская, имевшая целью *закрыть* Россию от западной демократии и свободного рынка, отобрать свою землю у помещиков и не допустить раскрестьянивания.

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 г. Масоны завладели Госдумой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства (оно к тому времени стало разночинным и либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений). Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они уже были по-военному организованы и имели оружие. В массе своей это было поколение, которое в 1905–1907 гг. подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция была переворотом в верхах, проведенным Госдумой и генералами. Но она стала возможной потому, что ее поддержали и банки, скупившие хлеб, и солдаты. Порознь ни одной из этих сил не было бы достаточно. Во всех революциях требуется участие влиятельной части госаппарата.

Либералы-западники, пришедшие к власти, моментально разрушили государство Российской империи сверху донизу и разогнали саму империю. Это развязало руки революции советской – грязную работу уже сделала буржуазия и ее прислужники, можно было строить и восстанавливать.

Уникальность русской революции 1917 г. в том, что с первых ее дней в стране стали формироваться два типа государственности – буржуазно-либеральная республика (Временное правительство) и «самодержавно-народная» Советская власть. Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии, социальным и экономическим устремлениям. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть, их союз в ходе государственного строительства был невозможен. Разными были фундаментальные, во многом неосознаваемые идеи, на которых происходит становление государства – прежде всего, представления о мире и человеке.

Столкновения начались быстро. И кадеты, и меньшевики ориентировались на Запад и требовали продолжать войну. В ответ 21 апреля в Петрограде прошла демонстрация против этой политики правительства, и она была обстреляна – впервые после Февраля. Как писали, «дух гражданской войны» повеял над городом.

В момент Февральской революции, когда произошел слом старой государственности, и началась вялотекущая *гражданская война*. Но не с монархистами – вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. Произошло то «превращение войны империалистической в войну гражданскую», о котором говорили большевики. Они это именно *предвидели*, а вовсе не «устроили» – никакой возможности реально влиять на события в Феврале 1917 г. большевики вообще не имели.

Преобразование внешней войны в гражданскую ощущалось всеми. В апреле 1917 г. крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России. Эсеры и меньшевики, став во главе советов, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теориям государственности крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов – недоразумением. Этому движению надо было только дать язык, простую оболочку идеологии. И это дали «Апрельские тезисы» В. И. Ленина. Стихийный процесс продолжения Российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя государство либерально-буржуазного типа, обрел организующую его партию (большевиков). Поэтому рядовые консерваторы-монархисты (и даже черносотенцы) после Февраля пошли именно за большевиками. Да и половина состава царского Генерального штаба.

Монархия капитулировала без боя. С Февраля в России началась борьба двух *революционных движений*. Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам – меньшевикам и эсерам. И те, и другие были искренними марксистами и социалистами, с ними были Плеханов и Засулич. В это же надо наконец-то вдуматься!

Они хотели социализма для России, только социализма по-западному, «правильного». А у нас народ был «неправильный».

В Грузии красногвардейцы социалистического правительства, возглавляемого членом ЦК РСДРП Жорданием, сразу начали расстреливать советские демонстрации. А позже лидер меньшевиков Аксельрод требовал «организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

В России происходило параллельное развитие с начала XX века двух революций, стоящих на разных мировоззренческих основаниях. Но можно взглянуть и по-другому, со стороны меньшевиков-марксистов. Их взгляд враждебен советской революции, но он все же правильнее, чем официальная советская история. Они считали Октябрь событием реакционным – *контрреволюцией*. В этом они были верны букве марксизма, прямо исходили из указаний Маркса и Энгельса. В советское время марксизм «вульгаризировали» – всю антисоветчину из него выкинули. Тоже правильно сделали, для того момента, но перед перестройкой мы оказались беззащитными. Да и сегодня плаваем.

Так вот, меньшевики и эсеры считали Октябрь контрреволюционным переворотом (эсеры и объявили Советам гражданскую войну, а подполковник Каппель был их первым командиром – его теперь православные патриоты с воинскими почестями и хоругвями хоронят).

Ну пусть обзывают Октябрьскую революцию контрреволюцией, не будем обращать внимания. Важнее их анализ.

Николай Бердяев высказал в 1923 г. важную мысль: «Контрреволюцию, начинающую новую, пореволюционную эпоху, не могут сделать классы и партии, которым революция нанесла тяжелые удары и которые она вытеснила из первых мест жизни... Идеиная контрреволюция должна быть направлена к созданию новой жизни, в которой прошлое и будущее соединяются в вечном, она должна быть направлена и против всякой реакции».

Буржуазно-либеральная революция (февраль 1917 г.) могла быть преодолена только «контрреволюцией Советов», но никак не силами, «революцией поражёнными» (монархистами и помещиками). Если представить себе, что монархисты взяли реванш у либералов, то это стало бы реакцией, задушившей Россию. Идя от Февраля назад, реакция не разорвала бы ни один из порочных кругов, в которые попала монархическая государственность. Подавить либеральную революцию могли только «силы, развившиеся внутри самой революции» – сплав Советов с большевиками. И эта сила была именно «направлена к созданию новой жизни и против всякой реакции». Вот великая заслуга Февраля – он сплавил Советы с большевиками.

Силы, пришедшие к власти в результате любой революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. Новая власть получает кредит доверия. А значит, уже через короткий промежуток времени контратака сходу оказывается невозможной, приходится готовить *революцию*, что гораздо сложнее. Это глубоко продумал Ленин. Он точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было сбросить буржуазное правительство без больших жертв.

Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока все было на распутье и люди находились в ситуации выбора. И когда угас оптимизм и надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства – крестьян. В этом смысле Октябрьская революция была тесно связана с Февральской и стала шедевром революционной мысли.

Трагедией было то, что такое «отрицание отрицания» привело к Гражданской войне. Не удалось оторвать меньшевиков и эсеров от кадетов, и слишком силен был в них революционный дух. Война «белых» против Советского государства не имела целью реставрировать Рос-

сийскую империю в виде монархии. Это была «война Февраля с Октябрем» – столкновение двух *революционных* проектов.

Если представить себе, что масоны и буржуазия не успели подготовить свою революцию и советские силы сами одолели царизм, то никакой гражданской войны не было бы. Советская власть и царская в принципе не были антагонистами – сразу бы начали выполнять пятилетние планы, подготовленные царскими плановиками, и строить московское метро. Но именно поэтому и не удалось бы поднять солдат и крестьян на революцию против Российской империи. Прорваться можно было только «на плечах врага».

К сожалению, антисоветские силы многому научились у истории, им требовалось знание, а не приятные сказки. Теперь наша очередь учиться – в этом польза поражений. Поражение произошло на наших глазах.

В августе 1991 г., посредством сложных маневров и провокаций верхушка КПСС передала власть радикальной антисоветской группировке из рядов своей же номенклатуры, и та выполнила грязную и явно преступную часть работы по уничтожению СССР и Советского государства.

Но государство – не человек, оно умирает долго и трудно, и шестнадцать лет мы наблюдаем его агонию. Только во время этой агонии, через утраты и обретение памяти начинает ныне живущее поколение понемногу осознавать, что же это было за государство – *советское*. Начинает понимать, каким *обществом* это государство было рождено и на каких устоях держалось. Через смертельные удары по его уязвимым точкам мы начинаем различать, пока еще смутно, его строение, чувствовать его природу. Помогают убийцы и их консультанты.

Джеффри Сакс, профессиональный палач-реформатор многих национальных экономик, пошутил о советском хозяйстве: «Мы вскрыли грудную клетку больного, а оказалось, что у него другая, нам неизвестная анатомия». Врет киллер. Все они, вскрывавшие грудную клетку нашей страны, знали, куда воткнуть нож, – и он, с кучей советологов и эмигрантов всех волн, и «свои», с пеленок выращенные в обкомах и академиях. Знали нашу анатомию – знанием ненавистника и убийцы.

Советский строй возник в страшных родовых муках. Травмы остались в памяти – у кого-то пострадали близкие, кто-то был потрясен зрелищем чужих страданий. Потому и нашлось достаточно таких, кто бескорыстно и по доброй воле помогал словом и делом Ельцину с Чубайсом и Дж. Бушу с Джеффри Саксом. Кто-то из таких и сегодня радуется, но не могут даже и они не понимать, что «целились в коммунизм, а стреляли в Россию». Судя по всему, и целились-то в Россию, а о коммунизме говорили из приличий. Но не будем отнимать утешения у убийц бескорыстных. Пусть считают, что уничтожить Россию им пришлось, изгоняя из нее дьявола коммунизма. Будем говорить о целом.

Катастрофы – это жестокий эксперимент. В технике аварии и катастрофы – источник важнейшего знания. Что же говорить об обществе и стране, само рождение и жизнь которых покрыты многими слоями священных тайн и преданий. Именно когда рушатся под явными ударами эти сложные и хрупкие конструкции, на короткое время открывается глазу их истинное внутреннее строение, сокровенные достоинства и слабые точки. В этот момент можно многое понять – и о стране, и о себе.

Но этот миг очень короток. Все мы в момент катастрофы слишком потрясены и слишком заняты спасением или мародерством. А убийцы забрасывают нанесенные ими раны грязью, замазывают ложью, прячут улики. Да раны и сами затягиваются уродливыми рубцами и шрамами – ведь общество не погибает, израненный инвалид оживает и как-то должен вновь учиться говорить, передвигаться, добывать себе пищу. Поэтому очень ненадолго приоткрывается нам суть вещей, и мы обязаны сделать усилие и успеть добыть драгоценное знание, пока раны раскрыты. Это знание оплачено страданиями миллионов людей – можем ли мы дать ему пропасть, позволить его спрятать тeneвым жрецам преступного интернационала!

Есть и другая точка зрения – наоборот, прекратить обсуждение русской революции и советского строя. Вернуться туда нельзя, так нечего и тратить время. Надо, мол, перевернуть страницу истории, похоронить своих мертвых и начинать жизнь сначала. На этой основе возможен даже компромисс с новыми хозяевами – их дела мы стираем из нашей коллективной памяти, а они станут к нам добрее.

На мой взгляд, эти пожелания наивны. Речь не идет о возврате в *«тот»* советский строй. Это невозможно и никому не нужно – вернуться, чтобы снова вырастить Горбачева с Ельциным? Дело в том, что мы и вперед будем двигаться вслепую, если не поймем старого, к тому же не преодоленного. А мы его до сих пор поняли в очень малой степени. Понять советский строй – это выиграть целую кампанию войны с теми, кто стремился и стремится нас ослепить. Недаром антисоветизм – одна из главных сегодня идеологических программ. Возможно, главная, причем во всем мире. На ее подпитку в России брошены силы всех окрасок. Именно потому, что, поняв советский строй, люди очень быстро нащупают контуры нового проекта – и пробьют к нему туннель. Тогда опять пиши пропало.

Нынешнее состояние России – лишь эпизод нашей Смуты, совмещенной с непрерывной горяче-холодной войной «золотого миллиарда» за питательные соки Земли. В этой войне советский проект был для всей фашиствующей мировой расы как кость в горле. Уже в первой своей, ранней реализации в виде СССР, в ходе трудных проб и ошибок он показал, что жизнь общества без разделения на избранных и отверженных *возможна*. Возможно и человечество, устроенное как семья, «симфония» народов – а не как мировой апартеид, вариант неоязыческого рабовладения.

Поражение советского проекта на территории СССР – тяжелый удар по этим надеждам. Слишком сильны оказались в человеке инстинкты хищника, слишком устойчивы внедряемые веками идеи господства, присвоения. На короткий срок они были отеснены в тень духовным порывом народов России, а на непримиримых хищников были надеты намордники. Найдя мощных союзников и в мировой политике, и среди художников, готовых их воспеть и узаконить, хищники вырвались на волю. Тот строй, который создавался на принципах сотрудничества и солидарности, перед ними не устоял.

Но и тем, кто его разрушал, и тем, кто этому потакал, и тем, кто его не сумел защитить, надо восстанавливать какое-то жизнеустройство. Воля к жизни и инстинкт продолжения рода понемногу и незаметно начнут отвлекать людей от телеэкрана и заставят искать выход. По крайней мере, есть основания на это надеяться.

Уже сегодня всем, кто сохранил здравый смысл, ясно, что хаос разрушения СССР не сложился в России в какой-то новый порядок, обеспечивающий выживание страны и народа. Те «стратегические программы», которые нам периодически дают пожевать президенты и их Грефы, есть продукт чисто идеологический, сшитый на скорую нитку. Он не предназначен ни для обсуждения, ни тем более для выполнения. Это прикрытие еще на год, на два. Пока и верующие, и критики жуют эту кость, господствующее меньшинство вывозит достояние страны за рубеж, отправляет туда же детей и внуков учиться, обустривает гнезда комфорта в самой России – на случай, если паралич вымирающего народа затянется.

А те сценарии, которые пишутся всерьез, предусматривают, как самый лучший вариант, превращение России в периферию мировой капиталистической системы – в площадку, на которой «экономические операторы» будут в небольших очагах современного производства изготавливать то, что необходимо «глобальному рынку». И очаги эти будут окружены морем обнищавшего населения, выброшенного из цивилизации и самым примитивным образом добывающего скудное пропитание. Это население уже не будет ни русскими, ни татарами, ни якутами, это будет утратившая национальную культуру человеческая пыль. Она будет оставлена на земле в таком количестве, чтобы бесперебойно рожать и выращивать до 18 лет почти даровую рабочую силу для «очагов цивилизации» и солдат внутренних войск.

Для России по ряду причин этот сценарий нереализуем, хотя эту новую фашистскую утопию мы встречаем в сильно ослабленном состоянии. Поэтому, как большинство ни оттягивает этот момент, каждому придется взглянуть правде в глаза и признать, что или русские восстановят то жизнеустройство, которое совместимо с нашей природой, наличными ресурсами и культурой, – или исчезнут как народ и как страна. Исчезнут, как американские индейцы.

И в выборе и построении этого возможного для нас жизнеустройства им будет совершенно необходим опыт советского строя. Потому что он тоже складывался под давлением непреодолимых условий и смертельных угроз, и многие решения, выстраданные поколениями советских людей, являются, вероятно, единственно возможными. Скорее всего ряд важнейших принципов жизнеустройства, при котором только и может сохраниться русский народ и его культура, будут в главных своих чертах воспроизводить принципы советского строя – неважно даже, под какой идеологической шапкой.

Поэтому очень скоро всем нам, кто хочет, чтобы его дети и внуки жили в нашей культуре, да и вообще жили, будут насущно нужны книги, в которых был бы воссоздан и советский *проект*, и советский *строй* — то, что успели выполнить из всего проекта. Кое-что полезного сказали в своих специальных работах убийцы советского строя. Но то, что нужно убийце, недостаточно для строителя.

Нам нужны будут книги, ставящие заслон тому потоку карикатур, производство которых наладила антисоветская идеологическая машина. Книги, написанные с любовью, но не взахлеб. Надо начинать большой проект по созданию истории «*структур советской повседневности*». Из нее мы поймем, что абсолютно необходимо для нашей жизни, что важно и желательно, а без чего можно обойтись. Поймем источники нашей силы и поразительной уязвимости.

Я писал эту книгу с любовью к советскому строю и советскому народу. Тот, для кого ненависть к СССР стала опорой в их духовной жизни, пусть лучше ее не читает. Человеку разумному будет не трудно читать критику советского строя, потому что у меня нет ни задачи, ни даже малейшего желания кого-то переубедить или куда-то повести.

Книга эта – не научный труд, в ней много аргументов, не поддающихся критической проверке строгими методами. Но и нестрогие доводы полезно знать. Все же скелет книги я строил согласно принципам построения научного текста, и этот костяк при необходимости можно легко вычлениить. Что же касается фактических данных, то я их по возможности брал из самых надежных источников. Судя по критике первых изданий книги, больших ошибок, которые могли бы принципиально повлиять на выводы, в них нет.

Глава 1. Государство и революции

Уже во втором тысячелетии до нашей эры политическая власть в обществах древних цивилизаций приобрела черты *государства*. С тех пор и до настоящего времени государство представляет собой основной институт, осуществляющий управление обществом и охрану его экономической и социальной структуры от угроз как внутреннего, так и внешнего характера.

По своему типу государства отвечают типу того общества, которое их порождает. Если мы классифицируем общества по признакам *формации*, то различаем государства рабовладельческие, феодальные, буржуазные и социалистические (хотя понятие формации является абстракцией, и в любом обществе сосуществуют разные социально-экономические уклады). В периоды больших социальных сдвигов (особенно революций) возникают государства переходных типов, с быстрым изменением их структур и образа действия.

Если нас интересует форма правления, организация власти, то мы различаем разного типа монархии и республики (парламентскую, президентскую, советскую), и вариации их весьма многообразны. По территориальному и национальному устройству государства могут быть унитарными (едиными), федерациями (союз относительно автономных единиц) или конфедерациями (государственно-правовыми объединениями), а также империями.

Осуществление государственной власти основывается на отношениях *господства*. Под ним понимается такое состояние общества, когда приказания власти встречают повиновение подданных или граждан. Это состояние не может быть обеспечено только средствами *принуждения* (в том числе с помощью насилия), для него необходима *вера* в законность власти. Никколо Макиавелли – политик и мыслитель Возрождения (XV–XVI вв.), заложивший основы нового учения о государстве, первым из теоретиков государства заявил, что власть держится на силе и согласии (эта концепция получила название «макиавеллиевский кентавр»)¹. Отсюда вытекает, что «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию *согласия* подданных. Механизм власти – не только принуждение, но и *убеждение*. Овладение собственностью как экономической основой власти недостаточно – господство собственников тем самым автоматически не гарантируется и стабильная власть не обеспечивается.

Условием устойчивости власти является ее *легитимность*. Это совсем не то же, что *законность* (легальность) власти, т. е. формальное соответствие законам страны. Формально законная власть еще должна приобрести легитимность, обеспечить свою легитимизацию, то есть «превращение власти в *авторитет*». Как же определяют, в двух словах, суть легитимности ведущие ученые в этой области? Примерно так: это убежденность большинства общества в том, что данная власть действует во *благо народу* и обеспечивает *спасение страны*, что эта власть сохраняет главные ее ценности. Такую власть уважают (разумом), а многие и любят (сердцем), хотя при всякой власти у каждого отдельного человека есть основания для недовольства и обид.

Вполне законная власть, утратив авторитет, теряет свою легитимность и становится бессильной. Если на политической арене есть конкурент, он эту законную, но бессильную власть устраняет без труда. Так произошло в феврале 1917 г. с монархией, так же произошло в октябре 1917 г. с Временным правительством. Никого тогда не волновал вопрос законности его формирования – оно не завоевало авторитета и не приобрело легитимности. Его попросили «очистить помещение», и в тот вечер даже театры в Петрограде не прервали спектаклей (потом Эйзенштейн снял героический фильм – матросы, ворота, стрельба). На наших глазах за три

¹ Насколько это нетривиальная мысль видно из того, что до сих пор многие марксисты и их «антиподы» демократы убеждены в насильственном характере власти. В рамках марксизма идею Макиавелли развил Антонио Грамши, о чем будет сказано ниже.

года утратил легитимность режим Горбачева – и три человека собрались, трясаясь от страха, где-то в лесу и ликвидировали СССР.

Наоборот, власть, завоевавшая авторитет и ставшая легитимной, тем самым приобретает и законность – она уже не нуждается в формальном обосновании. О «незаконности» власти (например, советской) начинают говорить именно когда она утрачивает авторитет, а до этого такие разговоры показались бы просто странными.

Свержение государственной власти с глубокими изменениями в ее структуре и функциях мы называем *революциями*.

Привычное для нашего общества понятие *социальной революции* проникнуто представлениями марксизма. «Философский словарь» (1991) гласит: «Революция – коренной переворот в жизни общества, означающий низвержение отжившего и утверждение нового, прогрессивного общественного строя; форма перехода от одной общественно-экономической формации к другой... «Переход государственной власти из рук одного в руки другого *класса* есть первый, главный, основной признак революции как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия» (Ленин В. И.). Революция – высшая форма борьбы классов».

Выделим главные черты, которые приписывает революциям это определение.

Во-первых, революция представлена как явление всегда *прогрессивное*, ведущее к улучшению жизни общества («низвержение отжившего и утверждение прогрессивного»). Этому определению присущ *прогрессизм*.

Во-вторых, это определение присуще *формационному* подходу к истории. В его поле зрения не попадают все другие «коренные перевороты в жизни общества», которые не вписываются в схему истории как смены общественно-экономических формаций. Этому определению присущ *экономизм*.

В-третьих, революция в этом определении представлена как явление *классовой борьбы*. Из него выпадают все «коренные перевороты в жизни общества», вызванные противоречиями между общностями людей, не подпадающими под понятие класса (национальными, религиозными, культурными и др.).

Тот факт, что в современных энциклопедиях понятие революции трактуется согласно *теории пролетарской революции*, разработанной Марксом в середине XIX века, сам по себе является замечательным. Ведь понятия представляют собой важнейший инструмент рационального мышления. В данном случае исключительно узкое и ограниченное марксистское понятие служит фильтром, который не позволяет нам увидеть целые типы революций, причем революций реальных, определяющих судьбу народов. Большинство образованных людей, следующих приведенному выше определению, не видит даже революций, которые готовятся и происходят у них прямо на глазах – они считают их не слишком существенными явлениями. Тем более они не могут почувствовать приближения таких революций. Значит, общество теряет саму возможность понять суть того исторического выбора, перед которым оно оказывается в момент революции.

К этому добавляется еще одноотягчающее обстоятельство: за последние двести лет в мире не произошло революций, отвечающих приведенному выше определению. Ему соответствуют только буржуазные революции в Англии XVII века и Франции конца XVIII века. В XX веке классовых революций не было, но зато прошла мировая волна революций в сословных обществах «крестьянских» стран, затем волна национально-освободительных революций, а в последние десятилетия – волна постмодернистских «бархатных» революций.

Тем не менее, необходимо кратко рассмотреть главные положения основных теорий революции, начиная с теории Маркса. Он, как известно, изучал классовое капиталистическое общество (на материале Англии) и назревающую в нем, как он предполагал, пролетарскую революцию.

Доктрине марксизма присущ крайний экономизм – в ней не только революции, но и вообще любая политическая борьба сводится исключительно к экономическим причинам и к борьбе классов, отрицается любая иная природа общественных конфликтов. Энгельс пишет: «По крайней мере для новейшей истории доказано, что всякая политическая борьба есть борьба классовая и что всякая борьба классов за свое освобождение, невзирая на ее неизбежно политическую форму, – ибо всякая классовая борьба есть борьба политическая, – ведется, в конечном счете, из-за освобождения *экономического*».

Такое представление общественных противоречий – крайняя абстракция. В действительности конфликты на экономической почве являются лишь одним из многих типов общественных конфликтов. Чаще всего конфликты возникают на почве культурных различий – в прошлом религиозных, в XX веке – национальных. Американский этнограф К. Янг, посвятивший классификации конфликтов большую книгу, говорил в Москве на конференции «Этничность и власть в полиэтнических государствах»: «Широкомасштабное насилие, имевшее место в последние десятилетия в рамках политических сообществ, в огромном большинстве случаев развивалось по линии культурных, а не классовых различий; в экстремальном случае геноцид является патологией проявления культурного плюрализма [то есть *этничности*], но никак не классовой борьбы».

Более того, во второй половине XX века, на исходе Нового времени, западное общество даже смогло интегрировать то, что Маркс считал импульсами революции, в качестве укрепляющих общество инструментов. С. Земляной пишет: «Государство эпохи постмодерна научилось канализировать протест, использовать оппозицию как эффективный инструмент своей отладки и регулирования. Михаилом Лифшицем, неординарным советским философом-марксистом, для объяснения этой пикантной ситуации была предложена теория «мнимого протеста», которая неожиданным образом воскресла во французском постмодернизме, коим под знаменатель мнимого протеста были подведены марксизм и классовая борьба».

Известный французский философ Жан-Франсуа Лиотар отмечал в книге «Состояние постмодерн»: «Марксизмом руководит другая модель общества... В основе этой модели лежит борьба классов... Здесь невозможно обойтись без перипетий, которые занимают общественную историю, политику и идеологию в течение более века... Судьба их известна; в странах с либеральным или прогрессивно-либеральным правлением происходит преобразование этой борьбы и ее руководителей в регуляторы системы... И повсюду, под разными названиями, критика политической экономии (под названием «Капитала» Маркса) и критика связанного с ней общества отчуждения используются в качестве элементов при программировании системы».

В последние двадцать лет мы наблюдали исторического масштаба революционную трансформацию «обществ советского типа» в СССР и странах Восточной Европы. Организованным движением, которое наиболее последовательно готовило эту революцию, была польская «Солидарность». Однако мотивация этой внешне «буржуазной» революции была совершенно не классовой.

Вот что говорится об основаниях этой мотивации: «Солидарность» представляла собой «ценностно-ориентированный монолит», а не сообщество заинтересованных в достижении конкретных целей групп общества. Разделительная линия между противоборствующими силами пролегла не в социальной или классовой плоскости, а в ценностной, то есть культурной, точнее культурно-политической, или социально-психологической. Фактически общественная функция этого движения свелась к разрушению социалистической системы. Предпосылки институционального краха этой системы возникли после распада ее ценностной основы. Однако этос «Солидарности», провозглашавшиеся ею идеалы были бесконечно далеки от социокультурной реальности общества либерально-демократического типа, от рыночной экономики частной собственности, политического плюрализма, западной демократии. «Солидарность» как тип культуры – несмотря на свою антикоммунистическую направленность –

тяготела скорее к предшествующему периоду консервативной модернизации с ее неотрадиционалистским заключительным этапом, чем к сменившей его эпохе прагматизма.

В случае радикальных революций, сопровождающихся гражданской войной, конфликт на экономической почве даже не является главным. Американский социолог (из числа выславшихся из СССР в 1922 г. философов) П. А. Сорокин пишет: «Гражданские войны возникали от быстрого и коренного изменения высших ценностей в одной части данного общества, тогда как другая либо не принимала перемены, либо двигалась в противоположном направлении. Фактически все гражданские войны в прошлом происходили от резкого несоответствия высших ценностей у революционеров и контрреволюционеров. От гражданских войн Египта и Персии до недавних событий в России и Испании история подтверждает справедливость этого положения».

Марксистское определение революции страдает еще и тем изъяном, что отсылает нас к понятию класса, которое таит в себе большую неопределенность. Споры относительно этого понятия велись после выхода основных трудов Маркса около ста лет. В результате понятие класса усложнилось – основанием для классификации стало не только отношение социальной группы к собственности, но и признаки *культуры*. На то, что понятие класса вообще трактуется совершенно по-разному в разных культурах, указывалось и раньше.

Например, О. Шпенглер пишет о восприятии этого понятия в Германии: *«Английский народ воспитался на различии между богатыми и бедными, прусский – на различии между повелением и послушанием»*. Значение классовых различий в обеих странах поэтому совершенно разное. Основанием для объединения людей низших классов в обществе независимых частных лиц (каким является Англия), служит общее *чувство необеспеченности*. В пределах же государственного общения (т. е. в Пруссии) – *чувство своей бесправности*.

В другом месте О. Шпенглер пишет: «Маркс мыслит чисто по-английски. Его система двух классов выведена из уклада жизни народа купцов... Здесь существуют только «буржуа» и «пролетарий», субъект и объект предприятия, грабитель и ограбленный. В пределах господства прусской государственной идеи эти понятия бессмысленны».

Не соответствовала марксистскому определению классов и структура общества социалистических стран Восточной Европы в период подготовки «бархатных» революций. Н. Коровицына пишет: «По наблюдениям польских социологов, именно образование служило детерминантой идеологического выбора в пользу либерализма в широком его понимании. Высокообразованные отличались от остального населения по своему мировоззрению. Можно даже сказать, что все восточноевропейское общество, пройдя путь соцмодернизации, состояло из двух «классов» – имевших высшее образование и не имевших его. Частные собственники начального этапа рыночных преобразований не представляли из себя социокультурной общности, аналогичной интеллигенции. Более того, как свидетельствуют эмпирические данные, они даже не демонстрировали выраженного предпочтения либеральных ценностей».

Совсем иначе, нежели в марксизме, понимался смысл классов и в России – именно по этой причине советские граждане так долго не замечали ошибочности отнесения русских революций к классовым. Н. А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом». Столь же далеким от марксизма было и представление о буржуазии. М. М. Пришвин пишет в «Дневниках» (14 сентября 1917 г.): «Без всякого сомнения, это верно, что виновата в разрухе буржуазия, то есть комплекс «эгоистических побуждений», но кого считать за буржуазию?... Буржуазией называются в деревне неопределенные группы людей, действующие во имя корыстных побуждений».

Общества, еще не проваренные в котле капитализма (как Россия в начале или СССР в конце XX века), вообще являются не классовыми, а в той или иной степени *сословными*. А основания, по которым люди объединяются в классы или в сословия, принципиально различны. Это замечает даже О. Шпенглер, хотя в разделении общества на классы Германия прошла несравненно дальше, чем Россия. Он пишет: «С полным непониманием психологии, свойственным воспитанному на естествознании уму 50-х годов XIX века, Маркс не знает, что ему делать с различием сословия и класса».

Многие убеждены, что в России в 1917 г. произошла классовая (пролетарская) революция – так нас учили. Но как же видит Маркс основания для пролетарской революции – для того, чтобы заменить у власти буржуазию как господствующий класс пролетариатом? Первое основание – исчерпание тех возможностей, которые капитализм давал для развития производительных сил. Причину этого Маркс видел в том, что основанное на частной собственности капиталистическое производство регулируется стихийными механизмами рынка и не приемлет научного планирования в масштабе всего общества. Именно потому, что базис капиталистической формации все более ограничивал, по мнению Маркса, простор для развития производительных сил, капитализм должен был уступить место более прогрессивной формации, в которой частная собственность заменялась общественной.

Преодоление капиталистического способа производства через революцию Маркс представляет так: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют. Капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это – отрицание отрицания... Там дело заключалось в экспроприации народной массы немногими узурпаторами, здесь народной массе предстоит экспроприировать немногих узурпаторов».

Какие условия необходимы, по мнению Маркса, для того, чтобы сложились условия для пролетарской революции? Первым условием является глобальный характер господства капиталистического способа производства. Поступательное развитие капитализма перестанет быть прогрессивным только тогда, когда и капиталистический рынок, и пролетариат станут *всемирными* явлениями. Революция созреет тогда, когда полного развития достигнет частная собственность. Маркс пишет: «Нетрудно усмотреть необходимость того, что все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности*, в экономике».

Смысл ясен: без полного развития частной собственности еще не все трудящиеся Земли станут пролетариями, а развитие капиталистических отношений и соответствующих им производительных сил еще не наткнется на непреодолимые барьеры. А значит, еще не будет необходимости устранять порожденное частной собственностью отчуждение посредством революции.

Маркс объясняет так: «Это *отчуждение*», говоря понятным для философов языком, может быть уничтожено, конечно, только при наличии двух *практических* предпосылок. Чтобы стать «невыносимой» силой, т. е. такой силой, против которой совершают революцию, необходимо, чтобы это отчуждение превратило основную массу человечества в совершенно «лишенных собственности» людей, противостоящих в то же время имеющемуся налицо миру богатства и образования, а оба эти условия предполагают огромный рост производительной силы, высокую степень ее развития. С другой стороны, это развитие производительных сил... является абсолютно необходимой практической предпосылкой еще и потому, что без него имеет место лишь всеобщее распространение *бедности*; а при *крайней нужде* должна была бы снова начаться и борьба за необходимые предметы и, значит, должна была бы воскреснуть вся старая

мерзость. Это развитие производительных сил является, далее, необходимой предпосылкой потому, что только вместе с универсальным развитием производительных сил устанавливается *универсальное* общение людей, благодаря чему, с одной стороны, факт существования «лишенной собственности» массы обнаруживается одновременно у всех народов (всеобщая конкуренция), – каждый из этих народов становится зависимым от переворотов у других народов, – и, наконец, местно ограниченные индивиды сменяются индивидами *всемирно-историческими*, эмпирически универсальными... Коммунизм эмпирически возможен только как действие господствующих народов, произведенное «сразу», одновременно, что предполагает универсальное развитие производительной силы и связанного с ним мирового общения...

Пролетариат может существовать, следовательно, только *во всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм – его деяние – вообще возможен лишь как «всемирно историческое» существование».

Таким образом, следующее условие самой возможности пролетарской революции – ее всемирный характер, одновременное осуществление во всех капиталистических странах. Попытка в отдельной стране произвести «преждевременную» революцию, до того как буржуазия полностью исчерпает свой потенциал в развитии производительных сил, трактуется в марксизме как *реакционная*. На это прямо указывалось русским революционерам. Энгельс предупреждает в статье «О социальном вопросе в России» (1875): «Только на известной, даже для наших современных условий очень высокой, ступени развития общественных производительных сил, становится возможным поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом, чтобы она была прочной и не повлекла за собой застоя или даже упадка в общественном способе производства. Но такой степени развития производительные силы достигли лишь в руках буржуазии».

Эту мысль Энгельс с иронией поясняет таким образом: «У дикарей и полудикарей часто тоже нет никаких классовых различий, и через такое состояние прошел каждый народ. Восстанавливать его снова нам и в голову не может прийти».

Социальной причиной, по которой классом-могильщиком буржуазии должен стать пролетариат, была, по Марксу, эксплуатация рабочих посредством изъятия капиталистом прибавочной стоимости. Именно пролетариат был должен и имел право *экспроприировать экспроприаторов*. Это важное положение марксистской теории революции, особенно для тех стран, в которых промышленный пролетариат составлял очень небольшую часть населения (как в России, где в начале 1917 г. рабочих фабрично-заводской промышленности с семьями было 7,2 млн. человек, из них взрослых мужчин 1,8 млн.).

Но это теоретическое обоснование неотвратимости пролетарской революции на Западе несет в себе внутреннее противоречие.

Дело в том, что согласно политэкономическим воззрениям самого Маркса, капиталисты были *экспроприаторами* вовсе не по отношению к пролетариям – у пролетариев они покупали их рабочую силу по ее стоимости, через эквивалентный обмен на рынке труда. Жертвами капиталистической *экспроприации* были именно крестьяне и ремесленники, жившие и работавшие в докапиталистических хозяйственных укладах, где они вели натуральное хозяйство или мелкотоварное производство.

Маркс пишет об этой экспроприации капиталистами: «Превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, экспроприация у широких народных масс земли, жизненных средств, орудий труда, – эта ужасная и тяжелая экспроприация народной массы образует пролог истории капитала... Частная собственность, добытая трудом собственника, основанная, так сказать, на срастании отдельного независимого работника с его орудиями и средствами труда, вытесняется капиталистической частной собственностью, которая покоится на эксплуатации чужой, но формально свободной рабочей силы».

Если так, то как раз не на Западе и не от пролетариата следовало ожидать революции «экспроприированных масс». Ведь особенно большие масштабы «экспроприация у широких народных масс земли» приобрела в зависимых от Запада странах – колониях. В. И. Ленин приводит данные, показывающие, что уже в XIX веке земельная собственность в Африке, Полинезии и Австралии была присвоена западными колониальными державами практически полностью, а в Азии – на 57 %.

Однако сопротивление капитализму народных масс Маркс квалифицирует как *реакционное*, ибо оно препятствует «прогрессу промышленности, невольным носителем которого является буржуазия». Поэтому приведенные выше слова об «ужасной экспроприации народной массы» сопровождаются таким утверждением из «Манифеста коммунистической партии»: «Средние сословия: мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин – все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий. Они, следовательно, не революционны, а консервативны. Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории».

Надо подчеркнуть, что обвинение капитализма в эксплуатации рабочих является *нравственным* и, в принципе, вообще не должно присутствовать в политэкономии, которая претендует быть наукой (то есть беспристрастным знанием, свободным от моральных ценностей). Но главное, если бы капитализм смог «исправиться» и преодолеть эти два дефекта, на которые указал Маркс, то и оснований для революции не было бы – приверженцы марксизма с полным правом одобрили бы продление капитализма еще на исторический срок, снова дали бы ему «кредит доверия». В течение XX века именно это и смог совершить западный капитализм. Прежде всего, было отведено обвинение в эксплуатации – произошло становление так называемого «социального государства». Показатели экономической эффективности как критерия развития производительных сил также оказались к концу XX века у капитализма очень высокими. Это развитие на небольшом пятачке «золотого миллиарда» уже невозможно повторить на периферии. Периферия шла (и вынуждена идти) иным путем, нежели капитализм Запада, и на его путь перескочить не может, но этого теория Маркса не признает. Предсказанная теорией Маркса пролетарская революция не состоялась.

Теория тех антикапиталистических революций, которые действительно произошли во многих странах, сложилась в России. Она именно сложилась исходя из анализа реальности, который вели в течение полувека большое число политиков и ученых. Политическую форму этой теории придал В. И. Ленин. Эта теория кардинально расходилась с марксистской, хотя это «обвинение» отвергалось исходя из политической целесообразности.

Расхождения проявились на самой первой стадии зарождения этой теории. В 1875 г. народник П. Ткачев пишет брошюру «Открытое письмо г-ну Фр. Энгельсу», в которой объясняет, почему в России созревает революция и почему она будет антикапиталистической. Маркс пересылает эту брошюру Энгельсу и просит ответить. Тот отвечает, сравнивая Ткачева с «зеленым, на редкость незрелым гимназистом». Ответ этот, «О социальном вопросе в России» (Соч., т. 18, с. 537–548), был опубликован в 1875 г. в Лейпциге и, как сказано в предисловии к 18-му тому сочинений Маркса и Энгельса, «положил начало той всесторонней критике народничества в марксистской литературе, которая была завершена В. И. Лениным в 90-х годах XIX века и привела к полному идейно-теоретическому разгрому народничества»².

² В 80-е годы экономисты-народники развили концепцию некапиталистического («неподражательного») пути развития хозяйства России. Один из них, В. П. Воронцов, писал: «Капиталистическое производство есть лишь одна из форм осуществления промышленного прогресса, между тем как мы его приняли чуть не за самую сущность». Это была сложная концепция, соединяющая формационный и цивилизационный подход к изучению истории. В работе 1897 г. «От какого наследства мы отказываемся» Ленин так определил суть народничества, две его главные черты: «признание капитализма в России упадком, регрессом» и «вера в самобытность России, идеализация крестьянина, общины и т. п.».

Энгельс так критикует прогнозы народников: «Г-н Ткачев говорит чистейший вздор, утверждая, что русские крестьяне, хотя они и «собственники», стоят «ближе к социализму», чем лишенные собственности рабочие Западной Европы. Как раз наоборот. Если что-нибудь может еще спасти русскую общинную собственность и дать ей возможность превратиться в новую, действительно жизнеспособную форму, то это именно пролетарская революция в Западной Европе.

Энгельс был так возмущен брошюрами Ткачева, что предупредил: «русские должны будут покориться той неизбежной международной судьбе, что отныне их движение будет происходить на глазах и под контролем остальной Европы».

Отвергая само право крестьянства на революционное сопротивление капитализму, Энгельс создает ложное представление о русской поземельной общине (которая якобы «составляет естественную основу для *восточного деспотизма*»), а также о культуре крестьянства как сословия. Во введении к брошюре «О социальном вопросе в России» он пишет: «Масса русского народа, крестьяне, столетиями, поколение за поколением, тупо влачили свое существование в трясине какого-то внеисторического прозябания». Откуда это следует? Из русских сказок, песен, организации труда и быта, истории освоения Сибири, Аляски и Калифорнии? Это – чисто умозрительная и ошибочная установка евроцентризма.

В момент написания своей знаменитой книги «Развитие капитализма в России» (1899) Ленин также следовал евроцентристскому тезису о неизбежности прохождения России через этап господства капиталистической формации. Отсюда вытекало, что и назревающая русская революция, смысл которой виделся в расчистке площадки для прогрессивной формации, должна быть революцией буржуазной. В статье «Аграрный вопрос и силы революции» (1907) Ленин писал: «Все с.-д. убеждены в том, что наша революция по содержанию происходящего общественно-экономического переворота буржуазная. Это значит, что переворот происходит на почве капиталистических отношений производства, и что результатом переворота неизбежно станет дальнейшее развитие именно этих отношений производства».

Главным противоречием, породившим русскую революцию, марксисты считали в то время сопротивление прогрессивному капитализму со стороны традиционных укладов (под ними понимались община, крепостничество – в общем, «азиатчина»). Исходом революции должно было стать «чисто капиталистическое» хозяйство. В предисловии ко второму изданию «Развития капитализма в России» (1908 г.) Ленин дает две альтернативы русской революции: «На данной экономической основе русской революции объективно возможны две основные линии ее развития и исхода: Либо старое помещичье хозяйство... сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое, «юнкерское» хозяйство... Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические... Либо старое помещичье хозяйство ломает революция... Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества». Таким образом, Ленин исходит из того постулата, который мы находим уже в предисловии к «Капиталу» Маркса – капиталистический способ производства должен охватить все пространство («весь аграрный строй государства становится капиталистическим»), и к этому направлена русская революция.

Эти предвидения не сбылись. Революция 1905–1907 гг. свершилась, а капиталистического хозяйства как господствующего уклада не сложилось ни в одном из ее течений. Тезис о том, что революция была буржуазной, не подтвердился практикой. Попытка капиталистической модернизации, предпринятая Столыпиным, была разрушительной и вела к пауперизации большей части крестьянства. Это была историческая ловушка, осознание которой оказывало на крестьян революционизирующее действие.

Именно урок революции 1905–1907 гг. заставил Ленина пересмотреть представление о смысле русской революции. В 1908 г., Ленин пишет статью, само название которой на пол-

нено большим скрытым смыслом: «Лев Толстой как зеркало русской революции». Уже здесь – совершенно новая трактовка революции. Ведь очевидно, что не мог быть Толстой зеркалом *буржуазной* революции. В этой статье Ленин осторожно выдвигает кардинально новую для марксизма идею о революциях, движущей силой которых является не устранение препятствий для господства «прогрессивных» производственных отношений (капитализма), а именно *предотвращение* этого господства – стремление не пойти по капиталистическому пути развития. Это – новое понимание сути русской революции, которое затем было развито в идейных основах революций других крестьянских стран.

Что отражает Толстой как «зеркало русской революции»? Теперь, согласно новому взгляду Ленина, он отражает «протест против надвигающегося капитализма, разорения и обезземеления масс, который должен был быть порожден патриархальной русской деревней». Не буржуазная революция, а *протест против надвигающегося капитализма*! Можно даже сказать, что крестьянская революция более *антибуржуазна*, нежели пролетарская, ибо крестьянство и капитализм несовместимы, а капитал и труд пролетария – лишь партнеры на рынке, спорящие о цене.

В 1910 г. Ленин пишет в связи со смертью Л. Н. Толстого: «Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы... Его непрестанное обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянства, на которое стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис...». Здесь уже и речи нет о прогрессивном влиянии капитализма, устраняющем «азиатчину» из русской деревни. Наоборот, капитализм несет в нее одичание и невиданное разорение.

Определенно это новое представление о революции выразилось в Апрельских тезисах 1917 г. Суть этих тезисов и следующего за ними Октября как цивилизационного выбора отметили многие левые идеологи России и Европы. Плеханов и меньшевики, бундовцы и западные социал-демократы криком кричали, что вся стратегия Ленина противоречит марксизму, что это народничество и славянофильство. Лидер эсеров В. М. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда М. И. Либер (Гольдман) видел корни взглядов Ленина в славянофильстве. Отсюда – антисоветизм Плеханова и Засулич, смычка меньшевиков с белыми. На Западе сторонники Каутского определили большевизм как «азиатизацию Европы». Стоит обратить внимание на это настойчивое повторение идеи, будто советский проект и представлявшие его большевики были силой *Азии*, в то время как и либералы-кадеты, и даже марксисты-меньшевики считали себя силой *Европы*. Они подчеркивали, что их столкновение с большевиками представляет собой *войну цивилизаций*.

Напротив, А. Грамши писал в июле 1918 г. в статье «Утопия» об утверждениях, будто в России якобы буржуазия должна завершить необходимый этап буржуазной революции: «Где была в России буржуазия, способная осуществить эту задачу? И если господство буржуазии есть закон природы, то почему этот закон не сработал?... Истина в том, что эта формула ни в коей мере не выражает никакого закона природы. Между предпосылкой (экономическая система) и следствием (политический строй) не существует простых и прямых отношений... То, что прямо определяет политическое действие, есть не экономическая система, а восприятие этой системы и так называемых законов ее развития. Эти законы не имеют ничего общего с законами природы, хотя и законы природы также в действительности не являются объективными, а представляют собой мыслительные конструкции, полезные для практики схемы, удобные для исследования и преподавания».

Революция в России была отрицанием капитализма с его разделением на классы. Замечательно это выразил Грамши в статье «Революция против «Капитала» (5 января 1918 г.): «Это революция против «Капитала» Карла Маркса. «Капитал» Маркса был в России книгой

скорее для буржуазии, чем для пролетариата. Он неопровержимо доказывал фатальную необходимость формирования в России буржуазии, наступления эры капитализма и утверждения цивилизации западного типа... Но факты пересилили идеологию. Факты вызвали взрыв, который разнес на куски схемы, согласно которым история России должна была следовать канонам исторического материализма. Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, своими завоеваниями, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось».

Таким образом, в отличие от марксистской теории классовой революции в России была создана теория революции, *предотвращающей* разделение на классы. Для крестьянских стран это была революция *цивилизационная* – она была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Там в России, где победили силы, стремящиеся стать «частью Запада», они выступали против Советской революции, выступая даже и под красным знаменем социализма. Примером стала Грузия. Здесь возникло типично социалистическое правительство под руководством марксистской партии, которое было непримиримым врагом Октябрьской революции и вело войну против большевиков. Президент Грузии Жордания (член ЦК РСДРП) объяснил это в своей речи 16 января 1920 г.: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!».

Второй план в процессе преодоления В. И. Лениным рамок марксизма и развития представлений о судьбе периферийных стран мировой системы отражен в труде «Империализм как высшая стадия капитализма», написанном в 1916 г. в Цюрихе и напечатанном в середине 1917 г. в Петрограде. В дополнение к совершенному В. И. Лениным ранее (после революции 1905–1907 гг.) отходу от марксистских представлений о крестьянстве, «Империализм...» стал необходимым и достаточным блоком для выработки учения об антикапиталистической революции «в одной стране» – вне зависимости от участия в ней пролетариата развитых капиталистических стран. Таким образом, «Империализм...» является текстом, представляющим ядро *ленинизма* как новой теории революции.

Из приведенных в «Империализме...» данных об изъятии центром капитализма ресурсов периферии следует, что рабочий класс промышленно развитых стран Запада не является революционным классом (строго говоря, не является и пролетариатом). Это – важная предпосылка для преодоления присущего марксизму мессианского отношения к промышленному пролетариату и убеждения в том, что лишь мировая пролетарская революция может стать мотором освобождения народов от капиталистической эксплуатации. Преодоление этого постулата было условием для создания ленинской теории революции.

Этой теме в «Империализме...» уделено большое внимание. В ряде мест говорится, с обильным цитированием западных экономистов, о перемещении основной массы физического труда, в том числе промышленного, из Западной Европы «на плечи темнокожего человечества». Приводятся данные о сокращении численности рабочих в Англии (15 % населения в 1901 г.) и о числе рантье, по своему порядку сравнимом с числом рабочих (1 млн. рантье против 4,9 млн. рабочих).

Хотя по традиции В. И. Ленин говорит еще о рабочей аристократии и «собственно пролетарском низшем слое» в Англии, в приведенных им цитатах речь идет о вовлечении всего рабочего класса Запада в эксплуатацию периферии. Так, цитируемый В. И. Лениным английский экономист Дж. А. Гобсон пишет: «Господствующее государство использует свои провинции, колонии и зависимые страны для обогащения своего правящего класса и для подкупа своих низших классов, чтобы они оставались спокойными».

В. И. Ленин приводит исключительно красноречивые рассуждения идеологов империализма (например, С. Родса) о том, что разрешение социальных проблем в самой метрополии было едва ли не важнейшей целью эксплуатации зависимых стран («Если вы не хотите граж-

данской войны, вы должны стать империалистами»). Эту проблему Запад успешно решил – его «низшие классы» оказались подкупленными в достаточной мере, чтобы оставаться спокойными, что подтверждается цитатами из текстов как буржуазных экономистов, так и западных социал-демократов.

Пожалуй, самой сильной иллюстрацией к этой теме служат приведенные В. И. Лениным высказывания самого Энгельса. Так, 7 октября 1858 г. (!) он писал Марксу: «Английский пролетариат фактически все более и более обуржуазивается, так что эта самая буржуазная из всех наций хочет, по-видимому, довести дело в конце концов до того, чтобы иметь буржуазную аристократию и буржуазный пролетариат *рядом*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.